

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

Оригинальное теоретическое исследование

УДК 342.76

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-3-45-52>

EDN: NCBMWC

Ограничения конституционных прав и свобод в целях защиты нравственности и здоровья: вопросы теории и практики российского законодательства

А.Ю. Мохов , Д.А. Абезин

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Российская Федерация

✉ aumohov@mail.ru

Аннотация

Введение. Согласно Конституции РФ (ч. 3 ст. 55), государство вправе вмешиваться в реализацию прав и свобод, когда это строго необходимо для защиты человека, общества или конституционного строя. Однако ссылка на здоровье или нравственность не должна превращаться в универсальное оправдание любых запретов. В противном случае данная норма утрачивает свой гарантийный смысл и становится инструментом произвольного административного или судебного усмотрения вследствие чрезмерно широкой трактовки оснований. Исходя из этой проблематики, целью статьи является анализ теоретических и практических аспектов ограничений конституционных прав и свобод для защиты здоровья и нравственности, а также выработка предложений по совершенствованию соответствующего законодательства в рамках Конституции РФ.

Материалы и методы. Исследование базируется на Конституции РФ, профильном законодательстве об охране здоровья и нравственности, а также правовых позициях Конституционного Суда РФ. С помощью общенаучных (анализ, синтез) и специальных юридических (формально-юридический, правовое моделирование) методов раскрыта сущность ограничений прав по ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и разработаны предложения по совершенствованию законодательства в сфере защиты традиционных ценностей.

Результаты исследования. Установлено, что в отличие от здоровья, угроза которому может быть объективно оценена на основе санитарных и медицинских нормативов, выявление угроз нравственности затруднено и часто сводится к использованию субъективных оценочных категорий. Поэтому от законодателя требуется максимальная конкретизация запретов во избежание произвольного ограничения прав. Основой для регулирования должен служить официальный перечень духовно-нравственных ценностей, закрепленный Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 и строго соотносящийся с конституционными гарантиями. Правоприменительная практика Конституционного Суда РФ подтверждает: любые ограничения ради защиты здоровья или нравственности должны быть строго необходимыми, соразмерными реальной угрозе, недискриминационными и не разрушающими само существо ограничиваемого права.

Обсуждение и заключение. Размытость законодательных определений здоровья и нравственности создает угрозу чрезмерного ограничения конституционных прав под предлогом защиты общественных интересов. В целях предотвращения злоупотреблений необходимо не только корректно толковать содержание традиционных ценностей, но и четко определять критерии и пределы их правовой охраны. При этом окончательной гарантией от произвола выступает строгий судебный контроль, требующий детальной мотивировки необходимости и соразмерности каждой ограничительной меры.

Ключевые слова: ограничение конституционных прав и свобод, соразмерность ограничений, охрана нравственности, охрана здоровья, традиционные российские духовно-нравственные ценности, правовой статус личности, конституционное право

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Мохов А.Ю., Абезин Д.А. Ограничения конституционных прав и свобод в целях защиты нравственности и здоровья: вопросы теории и практики российского законодательства. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2026;4(3):45–52. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-3-45-52>

Original Theoretical Research

Restriction of Constitutional Rights and Freedoms for the Sake of Protection of Morality and Health: Theoretical and Practical Aspects of Russian Legislation

Artem Yu. Mokhov , Denis A. Abezin

Volgograd Institute of Management, Branch of RANEPA, Volgograd, Russian Federation

 aumohov@mail.ru

Abstract

Introduction. According to the Constitution of the Russian Federation (Article 55, Part 3), the state is entitled to interfere in the process of exercising rights and freedoms strictly for the sake of protection of an individual, society, or the constitutional order. However, reference to protection of health or morality must not become a universal ground for any prohibition. Otherwise, this legal norm loses its protective implication and turns into a tool of arbitrary administrative or judicial discretion due to the excessively broad interpretation of the grounds. Taking into account the abovementioned problem, the article aims to analyse the theoretical and practical aspects of restricting the constitutional rights and freedoms aimed at protection of health and morality, as well as to formulate proposals on improving the respective legislation in the frame of the Constitution of the Russian Federation.

Materials and Methods. The study is based on the Constitution of the Russian Federation, respective health and morality protection laws, and judgements of the Constitutional Court of the Russian Federation. Using general scientific (analysis, synthesis) and specific legal methods (dogmatic-legal analysis, legal modeling), the study elucidates the nature of rights' restriction in compliance with Article 55, Part 3 of the Constitution of the Russian Federation and formulates proposals on improving the legislation referred to the protection of traditional values.

Results. It has been acknowledged that, unlike threats to health, which can be objectively assessed based on sanitary and medical parameters, identification of the threats to morality is obstructed and is often based on subjective evaluation criteria. Therefore, a legislator has to define the prohibitions with maximum precision to avoid the arbitrary restriction of the rights. Regulation should be performed based on the official list of spiritual and moral values enshrined in the Executive Order of the President of the Russian Federation No. 809 of November 9, 2022, and strictly correlated with the constitutional guarantees. Law enforcement practices of the Constitutional Court of the Russian Federation ascertain the requirement to any health- or morality-protection restriction to be strictly necessary, proportionate to the actual threat, non-discriminatory, and non-undermining the very essence of the right being restricted.

Discussion and Conclusion. Vague legal definition of health and morality notions creates the risk of excessive restriction of constitutional rights on the grounds of protection of the public interests. To prevent the abuse, it is important not only to correctly interpret the essence of traditional values but also to clearly define the criteria and restrictions for their legal protection. Rigorous judicial supervision based on the detailed justification of the necessity and proportionality of every restrictive measure can become an ultimate guarantee against the arbitrary actions.

Keywords: restriction of constitutional rights and freedoms, proportionality of restrictions, protection of morality, protection of health, traditional Russian spiritual and moral values, legal status of an individual, constitutional law

Acknowledgements. The authors are grateful to the peer-reviewers for critical evaluation of the materials and suggestions on improving thereof, which has contributed to the significant enhancement of the quality of the article.

For Citation. Mokhov AYu, Abezin DA. Restriction of Constitutional Rights and Freedoms for the Sake of Protection of Morality and Health: Theoretical and Practical Aspects of Russian Legislation. *Legal Order and Legal Values*. 2026;4(3):45–52. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-3-45-52>

Введение. Соблюдение баланса прав и свобод, установление и реальное исполнение пределов их осуществления представляют собой важнейшую задачу современного правового государства. Большое значение в этой связи приобретает институт ограничения конституционных прав и свобод, позволяющий одновременно достигать социально значимых целей (обусловленных не только интересами конкретного субъекта правоотношений) и соответствовать

нормам Конституции и международного права [1]. Так, ч. 3 ст. 56 Основного закона определяет перечень прав и свобод, которые не могут быть ограничены даже в условиях действия особых правовых режимов.

Реализация данных ограничительных мер относится к тем вопросам, где использование общей формулы ч. 3 ст. 55 Конституции РФ¹, в которой перечислены условия вводимых ограничений, сопряжено с особой сложностью в правоприменении. На уровне текста Основного закона эти цели стоят в одном ряду с защитой основ конституционного строя, прав и законных интересов других лиц, обороны страны и безопасности государства. Однако на практике они имеют разную степень определенности, поскольку защита здоровья обычно легче поддается юридическому обоснованию. Например, на основе четко закрепленных медицинских критериев можно установить угрозу жизни, распространение заболевания, риск причинения вреда потерпевшему. При помощи статистических показателей и оценки критериев определяются отсутствие лекарственного обеспечения и санитарная опасность [2]. С защитой нравственности сложнее: сама категория нравственности не имеет единого легального определения, зависит от культурного контекста, общественных представлений и часто становится предметом спора между свободой личности и коллективными ценностями. Кроме того, следует согласиться с авторами, отмечающими необходимость дополнительной защиты нравственного состояния несовершеннолетних (как лиц, психологическое состояние которых находится только в стадии становления и может быть подвергнуто негативному умышленному воздействию извне) [3].

На наш взгляд, ограничение конституционных прав и свобод в целях защиты нравственности и здоровья представляет собой деятельность законодателя, суда и иных публичных органов по установлению пределов правомерного поведения. Эти пределы направлены на охрану общественно значимых моральных основ, физического и психического благополучия человека, санитарной безопасности и доступности медицинской помощи, но при этом не затрагивают сущность ограничиваемого права, соответствуют федеральному закону и проходят проверку на необходимость и соразмерность. В этом определении важно подчеркнуть не только цель ограничения, но и его пределы: защита нравственности и здоровья ни при каких обстоятельствах не освобождает государство от обязанности доказывать, почему именно данная мера необходима и почему она не является чрезмерной. Это следует из формулировки ч. 3 ст. 55 Конституции, согласно которой ограничение прав и свобод допускается только федеральным законом, лишь в необходимой мере и ради названных в ней целей, среди которых прямо указаны нравственность и здоровье. В связи с этим правоприменитель обязан каждый раз устанавливать не только наличие формального закона, но и реальную связь между ограничением и защищаемой конституционной ценностью. Иначе говоря, недостаточно указать в законе, что мера вводится ради поддержания достаточного уровня здоровья или нравственности. Требуется установить на нормативном уровне, в чем именно состоит угроза и почему без ограничения соответствующее благо не может быть защищено. Исходя из изложенного, целью данного исследования является анализ теоретических и практических аспектов ограничений конституционных прав и свобод для защиты здоровья и нравственности, а также выработка предложений по совершенствованию соответствующего законодательства в рамках Конституции РФ.

Материалы и методы. При проведении исследования использованы: Конституция РФ, специальное законодательство в сфере охраны здоровья и нравственности, акты Президента РФ, материалы правоприменительной практики Конституционного Суда РФ. Методологическую основу исследования сформировали общенаучные методы (диалектический, анализ, синтез, классификация) и специальные юридические методы (формально-юридический, метод правового моделирования). Общенаучные логические методы позволили раскрыть сущность ограничений конституционных прав, устанавливаемых государством в целях защиты здоровья и нравственности, и выявить особенности конструкции ч. 3 ст. 55 Конституции РФ применительно к конкретным охраняемым Основным законом благам. Формально-юридический метод и метод правового моделирования использованы для анализа применимости таких ограничений в контексте защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей и выработки предложений по совершенствованию законодательства.

Результаты исследования. В научной литературе нравственность обычно рассматривается как одна из наиболее неопределенных целей ограничения прав. Так, Д.Г. Трифонова обращает внимание на отсутствие законодательного определения нравственности, что порождает научные и практические споры о границах допустимого вмешательства, но признает, что само упоминание нравственности в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ является значимым, поскольку тем самым законодатель признает нравственность конституционно охраняемой ценностью, способной в отдельных случаях получить приоритетную защиту по отношению к индивидуальной свободе [4]. На практике ограничения, вводимые в целях защиты нравственности, затрагивают прежде всего свободу слова и информации (в части поиска в Интернете), свободу массовой информации (запрет на выпуск и распространение

¹ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 11.08.2026).

определенных сведений и материалов), свободу творчества, свободу собраний, право на объединение, право на уважение частной жизни, а также право на предпринимательскую деятельность в отдельных сферах.

Важно различать нравственность как конституционную ценность и нравственность как изменчивую совокупность общественных оценок. Конституция защищает не любое преобладающее мнение большинства, а такие нравственные основы, которые связаны с достоинством личности, защитой детей, недопущением унижения человека, предотвращением насилия, сохранением общественного доверия, уважением к правам других лиц [5].

Обратимся к практике органа конституционного правосудия. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 30 октября 2003 г. № 15-П² сформулировал общий подход, который имеет значение и для ограничений в целях защиты нравственности: ограничения прав и свобод должны быть необходимыми, соразмерными конституционно признаваемым целям, не должны посягать на существо самого права и вести к утрате его реального содержания. В контексте теоретического обоснования данной позиции можно согласиться с Ю.А. Чулисовой, отмечающей, что нравственность может быть защищаемой ценностью, но защита нравственности не дает государству права уничтожать свободу творчества, поскольку она «является необходимым условием культурного, нравственного и научного развития» [6, с. 355]. Представляется, что это можно применить и к иным конституционным свободам, которые могут быть ограничены в целях защиты нравственности (например, не может быть полностью исключена свобода непубличных собраний, выражения мнений в межличностном общении и т. д. – при условии, что это не влечет за собой признаков оправдания терроризма, пропаганды идей и движений, признанных на территории Российской Федерации экстремистскими).

В этой связи интересно привести позицию, изложенную Судом в Постановлении от 17 июня 2014 г. № 18-П³. Органом конституционного правосудия рассматривался вопрос о конституционности ч. 4 ст. 222 УК РФ и ряда положений Федерального закона «Об оружии» применительно к обороту антикварного холодного оружия, имеющего признаки культурной ценности. Заявительница была осуждена за покушение на незаконный сбыт холодного оружия после попытки реализовать два кортика в пунктах оценки антиквариата, и при этом ставился вопрос о том, что такие предметы могли обладать историко-культурной ценностью. На первый взгляд, это дело не относится прямо к защите нравственности или здоровья. Но его значение для исследования состоит в другом: Конституционный Суд РФ фактически показал, что даже при наличии публично значимой цели – обеспечения безопасности оборота оружия – законодатель не вправе создавать неопределенное и чрезмерное уголовно-правовое ограничение, если оно не учитывает специфику предмета, его культурную ценность и фактическую общественную опасность.

Для ограничений в целях нравственности этот вывод применим по аналогии: чем более широким по своему содержанию (и, следовательно, более оценочным) является основание ограничения, тем точнее должны быть сформулированы признаки запрещенного поведения. Иначе возникает ситуация, при которой человек не может заранее понять, какое поведение допустимо, а какое влечет ответственность. Если это четко не определено в тексте нормы, ограничивающей право или свободу, то на стадии правоприменения правовой запрет чрезмерно расширяется, нарушая принцип соразмерности ограничений потенциальной опасности, возникающей при их отсутствии. В сфере нравственности похожая ошибка возникает тогда, когда законодатель не различает действительно общественно опасное поведение и поведение, которое лишь вызывает моральное несогласие у части социума, являясь осуждаемым, но не влекущим за собой значительной опасности для общества.

В отличие от здоровья, нравственность трудно измерить объективными показателями, поэтому особенно велика опасность субъективизма. Законодатель может исходить из традиционных ценностей, общественной морали, защиты детей, уважения к достоинству, однако правоприменитель не должен подменять Конституцию и федеральный закон, устанавливающий конкретные ограничения, собственными моральными предпочтениями. Сложность при определении соразмерности вводимых ограничений в данном случае может быть обусловлена и отсутствием четкого «уровня» нравственности, фактической оценочностью понятия как в законодательной работе (при разработке проекта федерального закона, которым устанавливается то или иное ограничение конституционных прав и свобод), так и в правоприменительной практике при реализации ограничительных норм. Стоит отметить позицию В.М. Баранова, предлагающего на официальном уровне систематизировать нормы нравственности (через принятие свода моральных установлений на основе общественного, государственного и научного консенсусов по поводу перечня и содержания таких установлений) [7]. На наш взгляд, разработка такого доку-

² По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 15-П от 30.10.2003. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102430546&backlink=1&nd=102083973&rdk=0> (дата обращения: 11.08.2026).

³ По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н.В. Урюпиной. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 18-П от 17.06.2014. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201406200001> (дата обращения: 11.08.2026).

мента даже в форме рекомендаций потребует существенной организационной работы, обязательного учета мнений населения (что особенно сложно в условиях многонационального и многоконфессионального российского общества). По сути, работа над таким Сводом потребует всенародного (полноценного, а не формального) общественного обсуждения, привлечения не только правоведов, но и социологов, психологов, теологов и т. д. Кроме того, встает вопрос о потенциальной конституционности документа, так как сложно определить разницу между нормативно закрепленными моральными установлениями и обязательной идеологией, запрет на которую прямо предусмотрен действующей Конституцией.

Однако следует отметить, что определенный перечень духовно-нравственных ценностей многонационального народа уже закреплен на официальном уровне – через принятие 9 ноября 2022 г. Указа Президента РФ № 809⁴. Как представляется, при разработке законодательных актов, предусматривающих ограничения конституционных прав и свобод в целях защиты нравственности, необходимо руководствоваться именно указанным перечнем как единственной официально закрепленной «номенклатурой» ценностей, широко распространенных в обществе и ставших результатом многовекового исторического развития отечественной государственности. При этом, обосновывая ограничения требованиями защиты конкретной ценности, следует соотносить вводимые меры не только с ее трактовкой или текущими целями законодателя, но и со сложившимся в соответствии с Конституцией механизмом реализации конституционных прав. К примеру, защита духовно-нравственной ценности «приоритет духовного над материальным» (в трактовке п. 5 Указа № 809) не может, на наш взгляд, посягать на право собственности конкретного гражданина. Вместе с тем ограничение свободы предпринимательства в случаях, когда под угрозу ставятся основные духовные гарантии прав граждан, представляется вполне обоснованным. К таким случаям относятся спекуляция основными продуктами или топливом в чрезвычайных условиях, а также установление платности за услуги, которые в силу своего духовного, культурного или рекреационного значения должны быть бесплатными (например, посещение государственных памятников природы и культуры, доступ к общедоступным литературным произведениям через интернет-ресурсы публичных библиотек и т. п.).

Защита здоровья как основание ограничения прав имеет более очевидную связь с рядом положений гл. 2 Основного закона. Ст. 41 Конституции РФ гарантирует каждому право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Ст. 7 характеризует Российскую Федерацию как социальное государство. Ст. 17 указывает на неотчуждаемость основных прав и свобод. Поэтому здоровье в конституционном праве выступает не только частным благом конкретного человека, но и публичной ценностью. Состояние здоровья населения влияет на труд, демографию, безопасность, социальную стабильность, возможность реализации других прав. Конституционный Суд РФ в своей практике прямо подчеркивает особый статус здоровья как объекта государственной охраны. В Постановлении от 12 марта 2026 г. № 13-П⁵ проверялась конституционность п. 1 ст. 1362 Гражданского кодекса Российской Федерации⁶ в связи с жалобами АО «Санофи Россия» и компании «Вертекс Фармасьютикалз Инкорпорейтед»: дело касалось принудительной лицензии на использование изобретений для производства и поставок лекарственных препаратов, т. е. ограничения патентных прав ради обеспечения доступности жизненно важного лечения. Суд указал, что здоровье является неотчуждаемым благом, принадлежащим человеку от рождения и охраняемым государством, а право на охрану здоровья и медицинскую помощь гарантировано ст. 41 Конституции РФ. Данное постановление имеет важное значение для понимания того, как здоровье может оправдывать ограничение иных конституционных прав. В споре сталкивались право интеллектуальной собственности, свобода экономической деятельности, интересы фармацевтических компаний и потребность пациентов в доступе к лекарственным препаратам. Конституционный Суд РФ не отверг значение патентной охраны. Напротив, он исходил из того, что исключительные права должны уважаться. Но одновременно Суд указал, что механизм принудительной лицензии может применяться точно для достижения целей, названных в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, если недостаточное использование патента приводит к нехватке соответствующих товаров, работ или услуг на рынке. Конституционный Суд РФ фактически строит модель не конфискационного, а сбалансированного ограничения, не допускающего дискриминации (ограничение действует вне зависимости от особенностей статуса носителя ограничиваемого права или свободы). Следует согласиться в данной связи с авторами, которые отмечают «недопустимость (запрет) дискриминации» как основополагающее начало нормативного закрепления и практического применения ограничений конституционных прав и свобод [8, с. 19].

⁴ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указ Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/View/0001202211090019> (дата обращения: 11.08.2026).

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая. Кодекс Российской Федерации № 230-ФЗ от 18.12.2006. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102110716&ysclid=mtbgb3jwdy317132115> (дата обращения: 11.08.2026).

⁶ По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1362 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами акционерного общества «Санофи Россия» и компании «Вертекс Фармасьютикалз Инкорпорейтед». Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 13-П от 12.03.2026. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202603130001> (дата обращения: 11.08.2026).

Еще один аспект касается защиты здоровья граждан от насилия. В Постановлении от 31 января 2024 г. № 4-П⁷ Конституционный Суд РФ проверял конституционность ч. 1 ст. 53 Уголовного кодекса Российской Федерации⁸, устанавливающей наказание в виде ограничения свободы, по жалобам О.А. Балукковой и Ю.М. Чернигиной. Заявительницы указывали, что данная мера наказания не позволяет установить для осужденных запрет приближаться к потерпевшим, посещать место их жительства или работы, общаться с ними, хотя такие меры могли быть необходимы для защиты от повторного насилия. Конституционный Суд признал оспариваемую норму не противоречащей Конституции РФ. Суд разъяснил, что по своему конституционно-правовому смыслу ч. 1 ст. 53 УК РФ не исключает возможности конкретизации запрета: суд вправе запретить осужденным посещать места, где регулярно могут находиться потерпевшие, а также приближаться к ним на определенное расстояние.

Цели защиты нравственности и здоровья нередко пересекаются. Так, ограничения на распространение информации, причиняющей вред детям, одновременно несут нравственную, психологическую, а в ряде случаев и медицинскую составляющую. Запрет пропаганды наркотиков связан не только с нравственной оценкой такого поведения, но и с охраной здоровья. Ограничение оборота отдельных товаров может быть мотивировано одновременно защитой физического здоровья и нравственного развития несовершеннолетних.

В своей научной работе З. Алиева и М. Эминова обращают внимание на то, что конституционно-правовые цели ограничения прав и свобод включают как охрану частных интересов, так и защиту публичных интересов, к которым относятся основы конституционного строя, нравственность, общественное здоровье, оборона, безопасность и общественный порядок. Авторы отмечают, что в российской конституционной модели используется смешанный подход: есть общая норма о возможных ограничениях и специальные ограничения применительно к отдельным правам [9]. Этот вывод помогает объяснить практику: здоровье и нравственность не существуют изолированно, они включены в общий механизм конституционного баланса. Законодатель или суд должны установить наличие угрозы здоровью, доказанность риска, пригодность меры для его снижения, временной или целевой характер ограничения, возможность пересмотра меры, наличие компенсационных механизмов при ограничении имущественных или экономических прав. Уже процитированное Постановление Конституционного Суда РФ № 13-П от 12 марта 2026 г. показывает именно такой подход: ограничение патентных прав допустимо ради лекарственной доступности, но только как точечный механизм с учетом интересов патентообладателя, пациентов и государства.

Обсуждение и заключение. Как следует из анализа, основная проблема единого нормативного закрепления ограничений состоит в том, что федеральное законодательство не всегда раскрывает содержание указанных в ст. 55 Конституции РФ целей. Понятие здоровья частично конкретизируется в профильном законодательстве об охране здоровья граждан, санитарно-эпидемиологическом благополучии, обращении лекарственных средств, защите прав потребителей. Понятие нравственности раскрывается значительно слабее и чаще через специальные запреты: защита детей от вредной информации, противодействие экстремизму, запреты на отдельные формы публичного поведения, регулирование рекламы, культуры, образования. Такая фрагментарность создает риск неодинаковой правоприменительной практики.

Можно предложить несколько направлений решения. Прежде всего, при подготовке законов, ограничивающих права ради указанных конституционных ценностей, законодатель должен прямо указывать, какой именно аспект защищается посредством ограничительных мер. Недостаточно общей формулировки «в целях общественных интересов» – требуется конкретизация: защита психологического здоровья несовершеннолетних, предотвращение причинения вреда здоровью, охрана достоинства личности, обеспечение доступности медицинской помощи, профилактика распространения заболеваний и т. д. В законе, устанавливающем ограничения, желательно закреплять критерии применения меры: основания, срок, круг лиц, процедуру, порядок обжалования.

Кроме того, необходимо развивать мотивировку судебных актов. В делах о защите нравственности суд должен объяснять, почему конкретное поведение нарушает именно конституционно значимые нравственные основы. Аналогично, в делах, касающихся охраны здоровья, суд должен опираться на медицинские, санитарные, социальные или иные объективные данные – с учетом специфики конкретной обстановки и (или) территории. В противном случае судебный контроль становится формальным. Практика Конституционного Суда РФ показывает, что именно подробная мотивировка позволяет отделить допустимое ограничение от чрезмерного.

Таким образом, защита нравственности связана с поддержанием общественных основ, без которых права человека могут быть превращены в средство разрушения достоинства, безопасности и доверия. В свою очередь, защита здоровья обеспечивает саму возможность нормальной реализации всех остальных прав: больной человек,

⁷ По делу о проверке конституционности части первой статьи 53 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.А. Балукковой и Ю.М. Чернигиной. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 4-П от 31.01.2024. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402010001> (дата обращения: 11.08.2026).

⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации. Кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 11.08.2026).

лишенный доступа к медицинской помощи, не сможет полноценно пользоваться конституционными гарантиями. Поэтому указанные ценности нередко оправдывают активное вмешательство государства. Однако широта понятий «нравственность» и «здоровье» создает риск их формального использования для чрезмерного вмешательства. Решение видится в более точной законодательной конкретизации оснований и пределов ограничений, обязательной судебной проверке необходимости и соразмерности, индивидуализации ограничительных мер и сохранении реального содержания ограничиваемых прав.

Список литературы / References

1. Ващенко Б.М. Конституционно-правовые основы ограничения права и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. *Судебная экспертиза и исследования*. 2025;(4):51–56.
Vaschenko BM. Constitutional and Legal Basis for Restricting Human and Civil Rights and Freedoms in the Russian Federation. *Sudebnaya ehkspertiza i issledovaniya (Forensic science and research)*. 2025;(4):51–56. (In Russ.)
2. Булычев Е.Н. Принцип допустимости необходимых ограничений прав человека и Конституция Российской Федерации. *Правовое государство: теория и практика*. 2015;(1(39)):84–88.
Boulychev EN. The Principle of Admittance of Necessary Human Rights Restrictions and the Constitution of Russian Federation. *The Rule of Law State: Theory and Practice*. 2015;(1(39)):84–88. (In Russ.)
3. Шувалова М.А. Необходимость ограничения свободы слова и права доступа в Интернет с целью защиты нравственности и психоэмоционального здоровья несовершеннолетних. *Ученые записки юридического факультета*. 2021;(1):43–46.
Shuvalova MA. The Need to Limit Freedom of Speech and the Right of Access to the Internet with the Aim of Protecting Morals and the Mental Health of Minors. *Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta (Scientific Notes of the Faculty of Law)*. 2021;(1):43–46. (In Russ.)
4. Трифонова Д.Г. Ограничение прав и свобод человека в защиту нравственности (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). *Право и государство: теория и практика*. 2017;(3(147)):70–73.
Trifonova DG. Restriction of Human Rights and Freedoms in Order to Protect Morality (Part 3 of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation). *Law and State: Theory and Practice*. 2017;(3(147)):70–73. (In Russ.)
5. Леймер Н.Н. Ограничение гражданских прав в целях защиты нравственности. *Энигма*. 2021;(32):44–47.
Leimer NN. Restriction of Civil Rights for the Purpose of Protecting Morality. *Enigma*. 2021;(32):44–47. (In Russ.)
6. Чулисова Ю.А. Конституционно-правовые основы ограничения свободы творчества: цели и пределы. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2023;23(3):349–357. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-349-357>
Chulisova YuA. Constitutional and Legal Bases of Restriction of Freedom of Creativity: Goals and Limits. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*. 2023;23(3):349–357. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-349-357>
7. Баранов В.М. Государственная защита нравственности как цель правового ограничения (доктрина, практика, техника). *Юридическая техника*. 2018;(12):56–73.
Baranov VM. State Protection of Morality as a Goal of Legal Restriction (Doctrine, Practice, Technique). *Yuridicheskaya tekhnika (Legal Technology)*. 2018;(12):56–73. (In Russ.)
8. Мархгейм М.В., Лукьянова И.Ю. Правозащитные принципы конституционного ограничения прав и свобод личности в России. *Лоббирование в законодательстве*. 2024;3(3):16–21. <https://doi.org/10.33693/2782-7372-2024-3-3-16-21>
Markheim MV, Lukyanova IYu. Human Rights Principles in the Constitutional Restriction of Individual Rights and Freedoms in Russia. *Lobbying in the Legislative Process*. 2024;3(3):16–21. (In Russ.) <https://doi.org/10.33693/2782-7372-2024-3-3-16-21>
9. Алиева З.И., Эминова М. Ограничение основных прав и свобод человека и гражданина в РФ. *Евразийский юридический журнал*. 2022;(1(164)):445–447.
Aliyeva ZI, Eminova M. Restriction of Fundamental Human and Civil Rights and Freedoms in the Russian Federation. *Eurasian Law Journal*. 2022;(1(164)):445–447. (In Russ.)

Об авторах:

Артем Юрьевич Мохов, старший преподаватель кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (400005, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. им. Гагарина, 8), SPIN-код, ORCID, aumohov@mail.ru

Денис Александрович Абезин, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории права и государственно-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (400005, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. им. Гагарина, 8), [SPIN-код](#), [ORCID](#), abezin-da@ranepa.ru

Заявленный вклад авторов:

А.Ю. Мохов: анализ результатов исследований, подготовка текста, формирование выводов.

Д.А. Абезин: формирование основной концепции, постановка задач исследования, обзор и анализ научных источников, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Artem Yu. Mokhov, Senior Lecturer of the Theory of Law and State Legal Disciplines Department, Volgograd Institute of Management, Branch of RANEPa (8, Gagarin Str., Volgograd, 400005, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), aumohov@mail.ru

Denis A. Abezin, Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Theory of Law and State Legal Disciplines Department, Volgograd Institute of Management, Branch of RANEPa (8, Gagarin Str., Volgograd, 400005, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), abezin-da@ranepa.ru

Claimed Contributorship:

Ayu Mokhov: analysis of research results, preparing the text, formulating the conclusions.

DA Abezin: formulating the main concept, setting research objectives, review and analysis of scientific sources, refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 12.08.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 01.09.2026

Принята к публикации / Accepted 08.09.2026